

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81.42

doi: 10.17223/19996195/59/1

КСЕНОНИМЫ ЛАОВАЙ И ЛАОБАЙСИН КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ ДИСКУРСА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ КИТАЯ

Юаньин Ван^{1, 2}, Ольга Вячеславовна Орлова^{3, 4}

¹ Хейлунцзянский институт иностранных языков, Харбин, Китай

^{2, 4} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

³ Муданьцзянский педагогический университет, Муданьцзян, Китай

^{1, 2} wangyuanying823@yandex.com

^{3, 4} o.orlova13@yandex.ru

Аннотация. Описывается лингвокультурное своеобразие этнически маркированных ксенонимов *лаовай* (иностранец в Китае, в том числе русский) и *лаобайсин* (обыкновенный китаец, простолюдин) в дискурсе русскоязычной диаспоры Китая, отражающем рецепцию и интерпретацию иностранной бытовой и социокультурной действительности коллективом диаспоры. На основе анализа более 3 тыс. контекстов сетевой коммуникации участников интернет-сообщества русскоязычных пользователей, тесно соприкасающихся с китайской культурой и языковой средой, а также данных китайской лексикографии и результатов исследований китайских специалистов по лексической семантике прослеживаются разнообразные смысловые трансформации указанных лексем как в языке-источнике, так и в языке-реципиенте, а также специфика их дискурсивных взаимоотношений. Если ксеноним-самореферентив *лаовай*, утрачивая изначально свойственную ему в китайском языке просторечно-пренебрежительную окраску, в целом однозначно и положительно воспринимается участниками дискурса, хотя споры о его коннотации периодически возникают, то ксеноним *лаобайсин* демонстрирует семантико-аксиологическую диффузность и может выступать и в роли грубого этнического прозвища, и в роли нейтрального этнонима, и в роли обозначения «простого человека» любой национальности.

Кроме того, данные ксенонимы обнаруживают поливалентную коррелятивную соотносительность: 1) на уровне морфемной структуры (единый формант *лао*, заимствующий из языка-источника развитую многозначность); 2) на уровне смыслового содержания (широкий спектр тесно сопряженных с контекстом актуальных значений); 3) на уровне эмоциональности, экспрессивности и оценочности, наиболее подвижном и детерминированном степенью комплиментарной/некомплиментарной включенности коммуникантов в китайскую языковую и культурную среду, а также меняющимися социальными, политическими, экономическими обстоятельствами текущего момента. Многогранная и неоднозначная лингвокультурная рецепция обуславливает превращение концептуальной дихотомии *лаовай* – *лаобайсин* в универсалию диаспорального сознания, члены которой не столько находятся в оппозиции, непосредственно отражая

противопоставление *свой* – *чужой*, сколько взаимодополняют друг друга, формируя тематическое и стилистическое своеобразие и разнообразие дискурса.

Ключевые слова: дискурс русскоязычной диаспоры Китая, лингвокультурный маркер, ксеноним

Для цитирования: Ван Ю., Орлова О.В. Ксенонимы лаовай и лаобайсин как лингвокультурные маркеры дискурса русскоязычной диаспоры Китая // Язык и культура. 2022. № 59. С. 11–25. doi: 10.17223/19996195/59/1

Original article

doi: 10.17223/19996195/59/1

XENONYMS ЛАОВАЙ AND ЛАОБАЙСИН AS LINGUISTIC AND CULTURAL MARKERS OF THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN-SPEAKING DIASPORA OF CHINA

Yuangying Wang^{1,2}, Olga V. Orlova^{3,4}

¹ Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, China

^{2,4} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

³ Mudanjiang Normal University, Mudanjiang, China

^{1,2} wangyuanying823@yandex.com

^{3,4} o.orlova13@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the description of the linguistic and cultural identity of ethnically labeled xenonyms *лаовай* (a foreigner in China, including Russian) and *лаобайсин* (an ordinary Chinese, commoner) in the discourse of the Russian-speaking diaspora of China, reflecting the reception and interpretation of foreign everyday and socio-cultural reality by the diaspora collective. Based on the analysis of more than 3,000 contexts of network communication of participants of the Internet community of Russian-speaking users who are in close contact with Chinese culture and language environment, as well as data from Chinese lexicography and the results of research by Chinese specialists in lexical semantics, various semantic transformations of these lexemes are traced both in the source language and in the recipient language, as well as the specifics of their discursive relationships. If the xenonym *лаовай* is self-representative, losing the colloquial-dismissive coloration originally characteristic of it in Chinese, is generally unambiguously and positively perceived by the participants of the discourse, although disputes about its connotation periodically arise, then the xenonym *лаобайсин* demonstrates semantic-axiological diffusivity and can act as a rude ethnic nickname, and as a neutral ethnonym, and as a designation of a "common man" of any nationality. In addition, these xenonyms reveal a polyvalent correlative correlation: 1) at the level of morphemic structure (a unified formant *лао* borrowing developed ambiguity from the source language); 2) at the level of semantic content (a wide range of relevant meanings closely related to the context); 3) at the level of emotionality, expressiveness and evaluativeness, the most mobile and determined by the degree of complimentary/non-complimentary involvement of communicants in the Chinese language and cultural environment, as well as the changing social, political, economic circumstances of the current moment. The multifaceted and ambiguous linguocultural reception determines the transformation of the conceptual dichotomy *лаовай* – *лаобайсин* into a universal of

diasporal consciousness, whose members are not so much in opposition, directly reflecting the opposition of their own and others, as they complement each other, forming thematic and stylistic originality and diversity of discourse.

Keywords: discourse of the Russian-speaking diaspora of China, linguistic and cultural marker, xenonym

For citation: Wang Yu., Orlova O.V. Xenonyms *лаовой* and *лаобайсин* as linguistic and cultural markers of the discourse of the russian-speaking diaspora of China. *Language and Culture*. 2022;59: 11-25. doi: 10.17223/19996195/59/1

Введение

Непреходящий интерес языкознания к процессу встречи языков и культур и его результатам – собственно лингвистическим, лингвокультурным, социо-, психолингвистическим и т.д. – в последнее время активно реализуется на материале диаспоральных дискурсов – особых форм существования языка в иноязычных и инокультурных пространствах [1–5].

Дискурс русскоязычной диаспоры Китая представляет своеобразный вариант современного языка русского зарубежья, кардинально отличающийся как от иных диаспоральных версий русской лингвокультуры, так и от языка русских в Китае прошлых волн эмиграции (см. подробнее: [3]). От типичных представителей, например, американской или европейских диаспор русскоязычных в Китае, по преимуществу не планирующих ассимилироваться и получить гражданство работающих по контракту экспатов и студентов, отличает ясно осознаваемая временность пребывания в чужой стране, что практически снимает с повестки вопрос о сохранении родного языка и его утрате в следующих поколениях. В то же время от языковой ситуации русского Харбина – центра связанной со строительством КВЖД, а потом с революцией и Гражданской войной массовой эмиграции в Китай конца XIX – первой половины XX в., современную диаспоральную лингвокультуру отличает совершенно иная диспозиция родного и китайского языков на шкале социокультурной и коммуникативной востребованности и престижности.

По данным исследований Е.А. Оглезневой, китайский язык не оказал значительного влияния на язык русских эмигрантов первой волны, а уникальная языковая ситуация русского Харбина «характеризовалась коммуникативным преобладанием русского языка, не являющегося государственным и титульным, на территории с демографическим преобладанием китайского языка – государственного и титульного» [6. С. 13–14], т.е. для комфортного проживания русскому эмигранту можно было вообще не изучать язык страны пребывания, который осознавался менее социально и культурно значимым, нежели родной. В настоящее время русскоязычная диаспора рассредоточена по всей территории Китая, вследствие чего не имеет возможности выстроить

вокруг себя реальный островок «русского мира» и вынуждена в повседневной жизни постоянно вступать в коммуникацию с «китайским миром». Кроме того, китайский язык и его изучение стали и востребованными, и социально престижными, а доминирующей средой общения диаспорального сообщества являются многочисленные интернет-площадки – форумы и группы в социальных сетях.

Ключевой лингвокультурной и дискурсивной особенностью интернет-коммуникации русскоязычных, проживающих в Китае, является ее ориентированность в область китайского языка и культуры, а тематической основой – рецепция и интерпретация китайской бытовой и социокультурной действительности коллективом диаспоры. Поэтому закономерно, что лексикон диаспоры характеризуется постоянно пополняемым и солидным по объему инолингвокультурным субстратом. Вслед за основателем интерлингвокультурологии В.В. Кабакчи мы называем инолингвокультурным субстратом «такие элементы текста, появление которых объясняется влиянием языка описываемой иноязычной культуры», а «наименования элементов иноязычных (внешних) культур» [7. С. 53] мы называем ксенонимами.

В свою очередь, среди ксенонимов в диаспоральном дискурсе особое место занимают называющие человека по национальному, профессиональному, а также социальному признаку агентивы. При этом важная и крупная группа агентивов – агентивы со значением этнической принадлежности, выступающие ярким маркером самоидентификации носителей русского языка в поле влияния иноязычной культуры, а также восприятия этой культуры.

Китаизмы-агентивы *лаовай* (иностранец в Китае, в том числе русский) и *лаобайсин* (обыкновенный китаец, простолюдин), претерпевая разнообразные смысловые трансформации и состоя друг с другом в весьма интересных семантико-аксиологических отношениях, являются именно такими «проводниками» в лингвокультуру, «стоящую» за дискурсом современной русскоязычной диаспоры Китая.

Материал и методология исследования

Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки контекстов, содержащих интересующие нас ксенонимы, из постов и комментариев интернет-сообщества «Байки лаовая» социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/cnlaowai>). Являясь одним из старейших и крупнейших (более 57 тыс. подписчиков) дискуссионных площадок русскоязычных пользователей, тесно соприкасающихся с китайской культурой и языковой средой, данный ресурс позволяет нам проследить эволюцию анализируемых ксенонимов с 2013 г. по сегодняшний день. Всего проанализировано более 3 тыс. контекстов.

Привлечение текстов СМИ и других источников (были использованы лексикографические материалы [8], а также данные экспериментальных исследований в области семантики и социолингвистики китайских коллег, впервые представленные российской научной общественности [9–13]) дает возможность расширить материал исследования и рассмотреть историю вхождения анализируемых ксенонимов в вокабуляр диаспорального языкового коллектива. Примеры приводятся в исходном виде с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Методология исследования носит комплексный характер. Методологический инструментарий интерлингвокультурологии, рассматривающей ксенонимы в тексте и дискурсе как элементы инолингвокультурного контекста, используется для сопоставительного анализа семантики и прагматики лексем *лаовай* и *лаобайсин* в китайском и русском речеупотреблении. Методы теории заимствования и лексической семантики находят отражение в пристальном внимании к процессу вхождения изучаемых заимствованных единиц в лексикон русскоязычного диаспорального сообщества и к происходящим в процессе их лингвокультурной адаптации смысловым и коннотативным трансформациям. Анализ также основывается на сочетании приемов лингвоконцептологического, контекстологического, количественного и дискурсивного анализа, поскольку изучаемые ксенонимы и объективные данные об их частотности в исследуемом текстовом континууме рассматриваются в динамике их контекстуально обусловленных семантико-аксиологических приращений, что позволяет выявить концепто- и дискурсивно-формирующий потенциал данных культурно-маркированных слов.

Ход и результаты исследования

Унаследовавший из языка-источника стилистические оттенки неформальности и фамильярности китаизм *лаовай* (老外 *laowai*) встречается в анализируемом текстовом континууме чаще, чем его русский аналог *иностранец* (2 632 и 2 580 употреблений соответственно), и более чем в 40 раз чаще, чем ксеноним с тем же значением, образованный от нейтрального общеупотребительного китайского слова 外国人 *waiguoren* в разных вариантах его транслитерации *вайгожень* / *вайгожен* / *вайгорен* / *вайгоужень* (63 употребления), что свидетельствует о важности коннотативных и прагматических мотиваций при выборе ксенонима-самоидентификатора, когда предпочтение отдается разговорному варианту, имеющему сниженно-пренебрежительный оттенок. Описывая свое пребывание в разных странах, представители русскоговорящей диаспоры Китая также используют ксенонимы-самоидентификаторы по тому же принципу, активно употребляя аналогичную заимствованную сниженную лексику с общим значением *ино-*

странец: гайдзин (японский вариант) – 48 раз и *фаранг* (тайский вариант) – 27 раз.

Таким образом, можно предположить, что данный способ самоидентификации членов диаспоры, предпочитающих неформальные с оттенком грубости этнонимы, отражает определенную важную для диаспоральной лингвокультуры закономерность.

Слово *老外 laowai* происходит из пекинского молодежного жаргона и примерно с середины 1980-х гг. входит в общелитературный лексический фонд китайского языка. В «Словаре современного китайского языка» [8. С. 821] оно дается с пометой *разговорное*, в первом значении синонимичное слову *外行 waihang* (профан, дилетант, неопытный), а во втором – стилистически нейтральному *外国人 waiguoren* (см. выше).

Лексема *老外 laowai* (далее в статье мы будем использовать кириллическую транслитерацию *лаовай*) в Китае популярна не только в устной разговорной речи, но и в официальной. Так говорят на Центральном телевидении КНР, а в англоязычном телевидении Тайваня есть передача *Laowai in China*, в которой рассказывается о жизни иностранцев в Китае. Содержание китайского концепта *иностранец* постоянно расширяется за счет новых смысловых нюансов и экспрессивных характеристик, однако самими иностранцами слово воспринимается крайне неоднозначно, что делает актуальным анализ его семантики и аксиологии в китайской лингвистике.

Начиная с середины 1990-х гг. в Китае публикуется ряд работ, посвященных этой теме. Так, Линь Даджинь [9] считает, что слово *лаовай* используется в обычном китайском речеупотреблении как нейтральное. Ци Хуа [10] предположил, что это слово в китайском языке и в восприятии иностранцев имеет разное значение, потому что первый иероглиф *老 lao* в значении *старый* в китайской языковой среде вызывает уважение, в то время как в западной современной культуре употребление указывающего на возраст понятия по отношению к человеку является неприличным.

С целью выяснить реальное отношение китайцев к слову *лаовай* в 2005 г. Школа иностранных языков Шаньдунского университета провела опрос среди 129 обычных граждан Китая и китайских студентов [11]. Основными вопросами были: 1) К кому относится данное определение (стоит ли относить сюда японцев и корейцев)? 2) Считаете ли вы это слово положительным, нейтральным или отрицательным? Почему? На первый вопрос подавляющее большинство респондентов ответили, что не считают корейцев и японцев лаоваями по причине их территориальной и культурной близости, а также внешнего сходства с китайцами. Среди обычных граждан Китая положительное значение слова отмети-

ли 13,3%, нейтральное – 53,3%, уничижительное – 33,3%. Опрос среди китайских студентов показал нарастание нейтральной оценки (до 85%) и снижение положительных и отрицательных оценочных коннотаций. Однако исследователи, изучавшие «внутренние мотивы студентов университета использовать *лаовай* для обращения к иностранцам, с одной стороны, и психологические реакции иностранных студентов, с другой стороны» пришли к выводу, что все-таки *лаовай* «является несколько уничижительным термином» [12. С. 58].

В ходе подобного исследования 2014 г., проведенного в Чжэцзянском университете, профессор Ли Фуань высказал следующее мнение: «Если иностранец считает слово *лаовай* неприличным или даже оскорбительным, то это несправедливо, необъективно, это явное недоразумение или заблуждение. Китаец, называющий иностранцев этим словом, в душе доброжелателен к гостям из зарубежья. Наши соотечественники выражают уважение в префиксе 老 *lao*: 老兄 *laoxiong* – вежл. Вы (к лицам одного поколения); ты, друг, брат (в обращении между друзьями); 老弟 *laodi* – вежл. Вы (к младшему по возрасту или в обращении учителя к ученику); дружище, приятель и т.д.» [14. С. 210]. Несмотря на то что в большинстве случаев префикс 老 *lao* имеет положительную коннотацию, существует множество примеров грубых слов на грани инвективы: 老东西 *laodongxi* – *старый хрыч*, 老狐狸 *laohuli* – *хитрец*, 老油条 *laoyoutiao* – *тертый калач* и др. Изначально грубым просторечным этнофолизмом было и китайское наименование русских 老毛子 *laomaizi* *лаомаоцзы* – дословно *волосатики* (см. подробнее: [15]).

Китайский лингвист Чжоу Юаньлинь выделяет два мелиоративных (респектабельный, любезный) и два пейоративных (смешной и жалкий, ужасный и отвратительный) значения префикса 老 *lao* [13]. Эта многозначность стимулирует семантическую диффузию и повышенную контекстуальную обусловленность анализируемого слова: «*Лао* в слове *иностранец* не имеет единственного смысла, в речи каждого оно варьируется от похвалы до уничижения, но с нейтральным значением в качестве основного» [11. С. 27]. В целом китайские исследователи отмечают, что язык и социокультурные изменения того или иного периода неразделимы, что в понимании лексического значения данного слова важны как синхрония (контекст, понимание того, кто, с кем и с какой целью говорит), так и диахрония (на каком историческом этапе, в какой период оно употребляется). Современное значение слова *лаовай*, близкое к нейтральному, в значительной степени отличается от 1980-х гг., когда оно в основном применялось по отношению к представителям капиталистических стран – геополитических и идеологических врагов Китая того времени.

Если говорить о российской лингвистике, то китаизм *лаовай* рассматривается, в частности, в рамках проблемы влияния этнокультурных стереотипов на восприятие китайской культуры в процессе овладения китайским языком с близкими к выводам китайских коллег заключениями: несмотря на «широко распространенное вне Китая мнение о негативном и даже оскорбительном оттенке слова, оно заполняет свою позитивную нишу в столь эмоционально богатом китайском культурном концепте *иностранец*» [14. С. 213].

Действительно, в лексиконе русскоязычной диаспоры Китая *лаовай* – один из самых частотных и практически полностью адаптированных ксенонимов (ср. наименования популярных сетевых ресурсов для русских в Китае: Лаовайру, Лаовайша, Лаоваевнет, Лаовайкаст, Давай лаовай, Байки лаовая, Мудрый лаовай), демонстрирующий рецептивную амбивалентность: «...произнесенное незнакомым китайцем оно вряд ли вызовет у русского положительные эмоции, в то время как “среди своих”, в сетевом общении собственного микросоциума этот ксеноним за счет свойственных ему оттенков неформальности, добродушной шутливости, коммуникативной близости играет роль общепринятого самоназвания и маркера собственной субкультуры» [3. С. 106].

Лаобайсин, еще один частотный ксеноним-агентив с префиксом *лао* (341 употребление), во многих контекстах выступая «антагонистом» *лаовая*, образует с ним концептуальную пару, которая становится одной из тематико-смысловых доминант диаспорального дискурса. На оппозиции *лаовай* – *лаобайсин* (иностранец – простой китаец, не китаец – китаец) строится множество дискуссий, в которых данные ксенонимы служат своеобразной призмой для осмысления членами диаспоры себя и своего места в иноязычном мире, основой противопоставления внутренних, родных, и внешних, чужих, языков и культур.

Самоназвание китайского народа восходит к книге под названием 百家姓 *bǎijiāxìng* «Байцзясин» – «Фамилии ста семей», которая была написана более тысячи лет назад и стала одним из трех главных учебников иероглифики, использующимся по сей день. Именно от названия этого сборника произошло слово 老百姓 *lǎobǎixìng* *лаобайсин*, в котором иероглиф 老 *lǎo* выполняет роль аффикса, указывая на то, что следующим будет существительное, иероглиф 百 *bǎi* имеет значение *много*, а 姓 *xìng* – *фамилия*. Во время «культурной революции» 1960-х гг. произошел семантический сдвиг, в результате которого данная лексема стала обозначением всего национального единства. Таким образом, в современном китайском языке слово *лаобайсин* не имеет какой-либо ярко выраженной коннотации и служит «номинативной скрепой» китайского народа, благодаря которой каждый китаец осознает себя сопричастным нации, ее истории с древнейших времен до наших дней.

Исследуя русскоязычный сегмент интернета, мы обнаружили, что слово *лаобайсин* активно употребляется в различного рода постах, дискуссиях и публикациях, в том числе в крупных российских СМИ (см. подробнее: [16]). Анализ сетевого диаспорального дискурса показал, что русскоязычные в Китае выделяют три типа *китайских лаобайсинов*, имеющих определенный социальный статус, привычки, внешний вид и даже особые гастрономические предпочтения. Первый тип – это самый часто встречаемый вид китайца – простой. *Зачастую это обычный рабочий, какой-нибудь ничем не выделяющийся лаобайсин. К иностранцу относится из серии «о, лаовай, халоу». Чем больше видел иностранцев, тем более к ним индифферентен. Образование среднее. Про другие страны знает исключительно из телевидения и стереотипов. Особо общительные успевают за две минуты надоесть вопросам так, что хочется бежать и прятаться.*

Второй тип – это бескультурные необразованные люди, в силу каких-либо причин сделавшие себе состояние, но по этическому и ментальному уровню оставшиеся людьми социальных низов. Это самый негативно оцениваемый тип, его можно встретить в нетрезвом состоянии в злых заведениях, увешанного дорогими аксессуарами, с неизменно закатанной майкой и голым торсом (шокирующая иностранцев манера поведения китайских мужчин в жаркую погоду). Как правило, этот тип сорит деньгами и проявляет интерес к европейскому типу женщин, считая, что *все можно купить, и искренне не понимая, почему русские девушки отказываются.*

Третий тип – это так называемый *лаобайсин из нунцун* (农村 pongsun – село, деревня). *Этот хорошо, если начальную школу закончил. Приехал из маленькой деревни либо не сильно развитого населенного пункта в большой город в поисках лучшей жизни. Иностранца никогда не видел, соответственно, от иностранца либо шугается, либо стоит столбом, взирая на белокожего ангела. Безусловно, эти типы могут пересекаться и смешиваться: китаец может быть толстосумом, но деревенский лаобайсин будет в нем неизгоняем.*

Имеющие общий аффикс *лао*, который, как мы уже отмечали выше, не имеет однозначной аксиологической валентности, самоназвание иностранцев в Китае *лаовай* и самоназвание китайцев *лаобайсин*, на первый взгляд, семантически противопоставлены друг другу в бинарной оппозиции *свой – чужой*. Действительно, большое количество высказываемых русскоязычными лаоваями мнений о лаобайсинах непосредственно реализуют этот ксеноним в роли этнической инвективы, негативно-пренебрежительного этнофолизма, и подкрепляют негативный стереотип о неопрятных, не соблюдающих правила гигиены, неэтичных и бескультурных китайцах: *лаобайсин, который везде мусорит и ведет себя отвратительно; меня это свинское поведение лао-*

байсинов уже не бесит, но глубоко не по нраву, <...> если вы подражаете лаобайсинам и курите в лифтах; откинувшись на сидение, вдруг ощущаешь в сантиметре от твоего лица смрадное дыхание прильнувшего к твоему подголовнику лаобайсина (в поезде); харкающих и плюющих на улицах местных лаобайсинов; похоже, жизнь в таком месте превращает лаова в лаобайсина, по крайней мере по отношению к чистоте комнат.

Однако анализ гипертекста сетевого сообщества «Байки лаовая» показал, что многочисленные факты совместной встречаемости интересующих нас ксенонимов (непосредственно в одном контексте лексемы *лаовай* и *лаобайсин* встречаются 72 раза, *лаовай* и *иностранец* – 4, а приблизительно в 180 случаях подразумевается встреча *лаобайсинов* и *иностранцев*, в номинации которых используются личные местоимения или имена собственные преимущественно самих участников дискуссии) отнюдь не демонстрируют солидарного единообразия в семантике, прагматике и аксиологии их взаимоотношений.

Так, частотны случаи, когда оба ксенонима находятся в едином семантическом поле, не противопоставляясь, но «мирно сосуществуя» и дополняя друг друга. Ярким примером служит новогоднее обращение администрации интернет-сообщества к своим подписчикам: *Дорогие лаоваи и лаобайсины! Бизнесмены (коммерсанты, дельцы) и вольнонаемные бедняги! Тичеры и студентеры!*

Оба ксенонима претерпевают схожие морфолого-словообразовательные трансформации. Например, в текстах, посвященных актуальной для диаспорального неформального общения теме отношений полов в поликультурной среде, фигурируют неологизмы-феминитивы, позволяющие благодаря деривативной гибкости русского языка в одном слове обозначить гендерную и этническую принадлежность героев «любовных историй»: *Как обычно бывает в подобных заведениях, здесь постоянно тусуются всякие «продвинутые» лаобайсинки, часть из которых просто хотят вступить в интимные связи с лаоваями, часть делают это профессионально, а часть занимается консумацией. Обычно лаоваям в отношениях с лаобайсинками везет, и они находят то, что искали; В печали лаобайсин. Чертовы лаовайки!* (о потерпевшем любовное фиаско в отношениях с иностранкой китайце).

Формируемый в диаспоральном дискурсе портрет *лаобайсина* сложен и дуалистичен, он включает в себя взгляд на простолюдинов и провинциалов и со стороны русскоязычного сообщества, и со стороны китайцев. Как правило, в диаспоральном полилоге воспроизводится ряд типичных ситуаций, в которых раскрывается не только образ *лаобайсина*, но и косвенно – через описание особенностей восприятия «китайского мира», образ самого *лаова*, степени его погруженности в инокультурную среду и даже своего рода культурной инициации. Для ко-

го-то Китай – страна непуганых лаобайсинов и имя им легион, для кого-то – простые вещи, поест шашлычков на улице, поболтать с лаобайсинами, приобщиться к китайским традициям, для кого-то – исполнение мечты не просто побывать в Китае, но и попытаться понять его, увидеть Жёлтое море, прикоснуться к многовековой истории мира, пообщаться с простыми лаобайсинами. <...> Китай – он как первая любовь! Сильно, глубоко и навсегда!!!

Именно разноразноуровневость погружения в китайскую культуру и принятия ее формирует межличностный дискурс участников сообщества, задает тон и стилистику дискуссии, провоцирует на споры, что порождает ряд интересных парадоксов. Например, когда этноним *лаобайсин* становится обозначением простых, небогатых или не приобщенных к высокой культуре (здесь опять же актуальное значение определяет исключительно контекст) людей вообще, и тогда лаобайсины могут быть русскими (*Похоже, мои предки были лаобайсинами; этаким «привкус русского лаобайсина»*; так-то Тюдоры, а то обычные лаобайсины – что китайские, что русские, которым, кроме фамилии, завещать своим сыновьям особо нечего; *Бегающий по ресторану ведущий, говорящий банальности чрезвычайно самоуверенным голосом для российских лаобайсинов*), а лаоваи встречаются среди китайцев: жаргонизм *банан* в дискурсе диаспоры обозначает *китайца*, а по сути лаовая, по манерам, менталитету, по аналогии с бананом – *желтый снаружи, белый внутри*.

Еще одной важной особенностью диаспорального дискурса является диалогическая цитация, востребованная в случаях, когда члены сообщества высказываются от лица обычных лаобайсинов, выражающих свое возмущение иностранцами. Особенно эти элементы языковой игры стали актуальны в последнее время, когда в условиях пандемии COVID-19 и возросшей социальной напряженности в Китае обострились связанные со стереотипом недоверия ко всему иностранному противоречия: *Все иностранцы – больные, все импортное умышленно напичкано вирусом, да у этих лаоваев ни стыда, ни совести, ни культуры, ни воспитания, вот и приехали специально, чтобы бедных китайцев заразить*.

Отметим, что с приходом эпохи коронавируса «экономические, культурные, психологические потрясения оказались настолько шокирующими для общества, что русский язык (как и другие языки мира) мгновенно отреагировал на эти процессы» [17. С. 3], не только сформировав массив новаций, потребовавший создания и издания в кратчайшие сроки «Словаря русского языка коронавирусной эпохи», но и, в том числе, значительно повысив ранее кардинально сниженный градус оскорбительного, пренебрежительно-уничижительного экспрессивного заряда прозвищных этнонимов. Так, обида и недоумение по поводу

убеждения китайцев в том, что после преодоления кризиса первой волны пандемии все случаи заражения коронавирусом в Китае завезены из-за границы чуть ли не намеренно и все иностранцы «заразные», возмущение нередкими случаями дискриминации по этническому признаку и противостояние им активизировали негативную модальность высуждений диаспоральным комьюнити сложившейся ситуации: <...> *если иностранец – то иди сиди дома, или в отеле, или в карантинном центре. Считаю такие акции бытового расизма нелепыми. Как бы кто их ни обидел, расизм у самих в подкорке, а тут еще и такой повод дают необразованным лаобайсином самоутвердиться за чужой счет; Поговорим о дискриминации.* <...> *Оказалось, что владелец не жалуется иностранцев.* <...> *Пусть радуются лаобайсины, что нет хода иностранцам на их территорию; <...> да уж, лаобайсинов не переубедишь! Но меня, если честно, улыбает даже, когда какой-нибудь китаец при виде меня натягивает маску по самые глаза. Так и хочется немного на него покашлять.* Однако, как видим, данные контексты, хотя и не демонстрируют радушного принятия, все-таки очень далеки от открытого выражения агрессивной ксенофобии и, по сути, подтверждают мнение исследователей русского языка эпохи коронавируса о «психологическом стремлении всех желающих высказаться, самореализоваться, в том числе через словотворчество и способность человеческой природы освобождаться от коллективного стресса, от коллективного страха через юмор, иронию, сарказм» [17. С. 4].

Кроме того, при описании самых разных жизненных ситуаций в самые разные по степени благополучия для пребывания иностранцев на китайской земле периоды регулярно звучит «голос разума», призывающий к преодолению этнических стереотипов и трезвому видению и своего, и чужого: *И вот тут меня осенило, что китайцы неоднородные, не одинаковые. Когда они делают про всех лаоваев обобщения – нам смешно, потому что русские отличаются от немцев, а немцы от американцев. Для них мы все одинаковые в их наборе стереотипов. Вот и мы часто заложники своих стереотипов о китайцах.*

Заключение

Важнейшими лингвокультурными маркерами диаспорального дискурса являются ксенонимы-агентивы со значением этнической принадлежности, служащие идентификации своего и чужого в условиях иноречевой и инокультурной среды. Для русскоязычного сообщества Китая это, прежде всего, китаизмы *лаовай* и *лаобайсин*, обнаруживающие поливалентную коррелятивную соотнесенность: 1) на уровне морфемной структуры (единый формант *лао*, заимствующий из языка-источника развитую многозначность); 2) на уровне смыслового содер-

жания (широкий спектр тесно сопряженных с контекстом актуальных значений – от иностранца вообще к обозначению себя как русского или русскоязычного вплоть до обозначения европеизированного китайца в случае *лаовая*, от китайца вообще к необразованному, бескультурному китайцу вплоть до необразованного и бескультурного россиянина в случае *лаобайсина*); 3) на уровне эмоциональности, экспрессивности и оценочности, наиболее подвижном и детерминированном степенью комплиментарной/некомплиментарной включенности коммуникантов в китайскую языковую и культурную среду, а также меняющимися социальными, политическими, экономическими обстоятельствами текущего момента.

Такими образом, осуществляемая в ходе дискурсивного развертывания многогранная и неоднозначная лингвокультурная рецепция обуславливает превращение дихотомии *лаовай* и *лаобайсин* в определенную универсалию диаспорального сознания, члены которой не столько находятся в оппозиции, сколько взаимодополняют друг друга, формируя тематическое и стилистическое своеобразие и разнообразие дискурса.

Список источников

1. **Костанди Е.И.** Типовой дискурс диаспоры: русский язык в Эстонии // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2. С. 38–50.
2. **Деци А.** Эстонские вкрапления в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 2. С. 331–342.
3. **Орлова О.В.** Лаовайский сетевой жаргон: китайский язык и культура в рецепции русскоязычных экспатов (введение в тему) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 2 (191). С. 103–108.
4. **Орлова О.В.** Ксенонимы-интерпретативы в сетевом дискурсе русскоязычной диаспоры Китая (на примере ксенонима чабуду) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 29–36.
5. **Орлова О.В., Ван Ю.** Ксеноним-интерпретатив мафань в сетевом дискурсе русскоязычной диаспоры Китая // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 5 (211). С. 19–26.
6. **Оглезнева Е.А.** Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2009. 55 с.
7. **Кабакчи В.В.** Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб., 2007. С. 51–70.
8. **Словарь** современного китайского языка [现代汉语词典 北京 商务印书馆 2005. 1958 页]. Пекин : Коммерческое издательство, 2005. 1958 с. (на кит. яз.).
9. **Линь Д.** Исследование межкультурной коммуникации [林大津 跨文化交际研究 福州: 福建人民出版社 1996]. Фучжоу : Народное издательство Фуцзянь, 1996. (на кит. яз.).
10. **Ци Х.** Кросс-культурный анализ существительного «老外» [兴华·对一个称呼语的跨文化剖析 – 释«老外». 北京师范大学学报 (社会科学版). 1998 (6)] // Журнал Пекинского педагогического университета (Социальные науки). 1998. № 6. (на кит. яз.).

11. Лю В., Чжан В. Исследование семантической окраски слова «老外» [柳伟, 张文华. «老外»称呼语的语义色彩研究 湖北第二师范学院学报 2010年第1期 25–28页 // Вестник Хубэйского второго педагогического университета. 2010. Вып. 1. С. 25–28. (на кит. яз.).
12. Чжан Ц., Чэнь С. Что именно означает «老外»? [张和家 陈秀芹. «老外»究竟意味着什么? 语言文字应用 2008年第2期 58–67页] // Использование языка и текста. 2008. Вып. 2. С. 58–67. (на кит. яз.).
13. Чжоу Ю. Префикс «老»: семантическая окраска [周元琳. 前缀«老»和«老»缀词语义色彩探微. 安徽大学学报 (哲学社会科学版). 2000 (5)] // Вестник Аньхойского университета (Философия и общественные науки). 2000. № 5. (на кит. яз.).
14. Молодых В.И. Об особых (социокультурных) стереотипах при овладении китайским языком // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 2. С. 207–214.
15. Орлова О.В. Этнофолизм лаомаоцзы на перекрестке китайской и русской лингвокультур // Язык. Культура. Этнос. Чтения памяти Э.Ф. и Ф.Г. Чиспияковых. Новокузнецк; Красноярск, 2021. С. 127–135.
16. Ван Ю. Ксеноним лаобайсин в сетевом диаспоральном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 9. С. 2668–2672.
17. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

References

1. Kostandi E.I. (2017) Tipovoy diskurs diaspory: russkiy yazyk v Estonii [Typical discourse of diaspora: Russian language in Estonia] // Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal. 2. pp. 38-50.
2. Detsi A. (2019) Estonskiye vkrapleniya v internet-diskurse russkoyazychnykh zhiteley Estonii [Estonian inclusions in the Internet discourse of Russian-speaking residents of Estonia] // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. Vol. 13 (2). pp. 331-342.
3. Orlova O.V. (2018) Laovayskiy setevoy zhargon: kitayskiy yazyk i kul'tura v retseptsii russkoyazychnykh ekspatov (vvedeniye v temu) [The laowai network jargon: the Chinese language and culture in the reception of Russian expats (introduction to topic)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2. pp. 103-108.
4. Orlova O.V. (2020) Ksenonimy-interpretativy v setevom diskurse russkoyazychnoy diaspory Kitaya (na primere ksenonima chabudo) [Xenonims-interpretatyves in network discourse of the Russian-speaking diaspora of China (the study of chabudo xenonym)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2. pp. 29-36.
5. Orlova O.V., Wang Yu. (2020) Ksenonim-interpretativ mafan' v setevom diskurse russkoyazychnoy diaspory Kitaya [Xenonim-interpretative mafan' in network discourse of the Russian-speaking diaspora of China] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 5. pp. 19-26.
6. Oglezneva E.A. (2009) Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine). [The Russian language in the Eastern countries (on the material of Russian speech in Harbin)]. Abstract of Philology doc. diss. Tomsk.
7. Kabakchi V.V. (2007) Tipologiya teksta inoyazychnogo opisaniya kul'tury i inolingvokul'turnyy substrat [Typology of the foreign language text descriptions of culture and other language cultural substrate] // Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy. SPb. pp. 51-70.
8. Slovar' sovremennogo kitajskogo yazyka [Dictionary of Modern Chinese: 现代汉语词典] (2005). Pekin.
9. Lin D. (1996) Issledovanie mezhkul'turnoj kommunikatsii [Research of intercultural communication: 跨文化交际研究]. Fuchzhou: Narodnoe izdatel'stvo Fuczyan'.

10. Ci H. (1998) Kross-kul'turnyj analiz sushchestvitel'nogo «老外» [Cross-cultural analysis of the noun «老外»: 对一个称呼语的跨文化剖析 – 释«老外»] // Zhurnal Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta (Social'nye nauki). 6.
11. Lyu V., Chzhan V. (2010) Issledovanie semanticheskoy okraski slova «老外» [The study of the semantic coloring of the word «老外»: «老外»称呼语的语义色彩研究] // Vestnik Hubejskogo vtorogo pedagogicheskogo universiteta. 1. pp. 25-28.
12. Chzhan C., Chen' S. (2008) Chto imenno oznachaet «老外»? [What does «老外» really mean?: «老外»究竟意味着什么?] // Ispol'zovanie yazyka i teksta. 2. pp. 58-67.
13. Chzhou Yu. (2000) Prefiks «老»: semanticheskaya okraska [Prefix «老»: semantic coloring: 前缀«老»和«老»缀词语义色彩探微] // Vestnik An'hojskogo universiteta (Filosofiya i obshchestvennye nauki). 5.
14. Molodyh V. I. (2017) Ob osobykh (sociokul'turnykh) stereotipah pri ovladenii kitajskim yazykom [About special (socio-cultural) stereotypes when mastering the Chinese language] // Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. Vol. 9 (2). pp. 207-214.
15. Orlova O.V. (2021) Etnofolizm laomaocy na perekrestke kitajskoj i russkoj lingvokul'tur [The laomaocy ethnoholism at the crossroads of Chinese and Russian linguocultures] // Yazyk. Kul'tura. Etnos. Chteniya pamyati E.F. i F.G. Chispiyakovyh. Novokuzneck; Krasnoyarsk. pp. 127-135.
16. Wang Yu. (2021) Ksenonim laobajsin v setevom diasporal'nom diskurse [Laobajsin xenonim in network diaspora discourse] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. Vol. 14 (9). pp. 2668-2672.
17. Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoj epokhi [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era] (2021). SPB: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN.

Информация об авторах:

Ван Юаньин – преподаватель русского языка, Хейлунцзянский институт иностранных языков (Харбин, Китай); аспирант, Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия). E-mail: wangyuanying823@yandex.com

Орлова О.В. – доктор филологических наук, профессор, Муданьцзянский педагогический университет (Муданьцзян, Китай); Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Wang Yuanying, teacher of Russian, Heilongjiang Institute of Foreign Languages (Harbin, China); Postgraduate Student, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: wangyuanying823@yandex.com

Orlova O.V., D.Sc. (Philology), Professor, Mudanjiang Normal University (Mudanjiang, China); Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 10.06.2022; принята к публикации 02.08.2022

Received 10.06.2022; accepted for publication 02.08.2022